

Contents

***	2
Last bow	3
Честно	5
Прости	7
Осенью	8
Выпусти	9
Б	10
no.difference	12
пулемет	13
*** (мы в жженных иконах)	14
Первый снег	16
Капитаны	18
*** (на рождественских ярмарках)	20

Ты же знаешь, что жизнь — кислородный трип,
И новые люди придут на выдохе,
Твой нелепый бог живет у тебя внутри —
Ищет выхода.

Last bow

слушай,
дистанцируйся от нас, господи,
знаешь, в этом смысле ты
в недостаточной мере циник
мир убедительно зол и уже разгоняет лопасти
перемелет тебя
и потом
(безымянного)
похоронит в цинке
мы вообще очень любим похороны без цели
а ещё втыкаем ножи в спину
и, как мизинцами, ими миримся
слушай,
но ты же знаешь единственную панацею
перестань дурака валять, господи,
дистанцируйся
перестроив все минареты под телебашни,
мы уже докурили ладан,
выпили и закусили отцом, духом и сыном,
дистанцируйся,
уезжай на тибет, в москвабад или баден,
научись вязать макраме и варить макароны с сыром
и еще поставь на нас полтора рубля и греться чайник,
ведь по совести ты же должен был на нас хоть что-то поставить,
а из чего ты там нас лепил изначально:
из глины,
цветного стекла,
земли,
дерьма
или стали
уже вообще никому неважно —
мы оказались лишь суммой гнилых бумажек
(и обидно, но кажется даже каждый;
нет, ты, конечно, прав, не обидно,
а просто страшно)
так что лучше дистанцируйся от нас, господи,

пока еще ты нас не увидел вблизи
ты учил нас летать и падать в пропасти,
а мы оказались способны
лишь
копошиться в грязи

и теперь за тех, кто стрелял постоянно мимо,
кто увидел начальное слово и решил, что оно случайно,
кто лепил и считал
бумажных журавликов из Хиросимы,
понял, что недобор, и на принтере их допечатал
за выступающих гордо на радиостанциях мирах,
за не умеющих верить и врать в глаза,
за безупречно честных, чистых, верных и милых,
но неспособных вовремя “стой” сказать
за покупающих рейс до рая лишь призовыми милями
за свернувшихся в собственный мир, что уже ни черта не видно
за бляющих стихами пополам со своей фамилией —
вот за все это, господи, нам сейчас охеренно стыдно

но вот они мы
такие как есть
и других у тебя не будет,
так что вон, собирайся и не смей домывать посуду,
у нас сложности с твоим именем
так что передай там магомету, аллаху и будде,
(если это, конечно, не ты)
мол, собирайтесь, ребята, и проваливайте отсюда
потому что если ты не уйдешь,
тебя найдут, догонят и спросят
"ну какого лешего все это с нами,
за что?!"
так что лучше сразу
дистанцируйся от нас, господи,
уходи в осень,
заглядывающую между закрытых штор

Честно

с пропущенным посвящением

ты выходишь из очереди замученных бытом и богом комнат,
по воде вроде ясно как, пора научиться по суше:
борт-инженер твоего рейса — абсолютный покойник,
и, прощаясь с землей,
выключайте газ, телефон и душу.

в особо жестоких странах нас пришиблят на белый танец
и будут смотреть, как, сомкнувшись,
наши руки превращаются в дым
но штурман этого рейса — абсолютный Летучий Голландец,
и фрегат продолжает лететь,
вообще не касаясь воды.

и я — сумма религий мира, обвиняемых в пораженщине,
где любая способность любить выглядит неуместно —
в особо жестоких странах расстрелом командуют женщины,
но это хотя бы честно

*собери секунды по тем мелочам, от которых кровь
стынет в жилах,
настоящей свободы нам всем раздадут под безумный
процент;
и на кем-то придуманный час мы останемся “все
еще живы”,
хотя чаще и чаще ты говоришь,
что это слишком банальная цель.*

не
уверен,
что
стоит

ты несешь какую-то чушь, что тебя рекрутируют в ангелы, и
бог опять не дошел по воде, обесцветился и простыл:
в особо жестоких странах тебя выменяют на евангелие,
только нас будет тошнить
от его пасторальных святых.

перемалываю прошлое по мелочам нефрахтованными молитвами,
ты выходишь из очереди комнат, тобою забытых заново,
весь экипаж твоего рейса стоит в очереди за полулитрами
и срочно требует поднять занавес,

срочно требует поднять занавес!

но я — сумма религий мира, обвиняемых в пораженщине,
где любая способность любить выглядит неуместно —
в особо жестоких странах расстрелом командуют женщины,
но это хотя бы честно...

честно.

Прости

прости,
но мы опять не попадаем в формат,
мы из сомкнутых линий рук делаем земной шар —
прошлое лезет за душу и в карман:
в кармане мелочью три гроша,
прошлое держит голову, ест с ножа.

прости,
но мы опять не попадаем в такт и ритм,
нашим детям уже давно набила оскол
вся твоя сотня широко трактуемых рифм,
выложенных на стол.
ты же знал — в итоге их будет всего лишь сто.

прости,
ты же знал, нам не выдадут новый шанс,
и наш выбор замрет на выборе новых зим,
если не знаешь, что делать дальше —
решай,
назад или вниз, а то из окна сквозит.
так нерешимость пешки не выводит ее в ферзи.

прости,
мы опять не попадаем в центр или края,
мы из смятой постели делаем новый слог:
в новый слог не ложится избитый хорей и ямб,
а ты бы мог промолчать, но ты уже сбился с ног —
восемь дней ты учил себя и её сиять,
ты — не смог.

прости,
мы опять не попадаем глаза в глаза.
а мы мел на асфальте.
завтра нас всех сотрут,
под подошвами ног рождается новый азарт,
а ты умер,
не выдумав, что сказать.
знаешь, мы вспомним тебя к утру.

Осенью

самолетное небо с проседью
пахнет велесовым воскресением,
наши мифы
родились и оделись осенью,
потому и остались осенними

не считая спетого, но не сказанного,
без учета сошедших
с дистанции и пути
осенью мы возвратились сказками,
плотно выложенными в триптих

наши мысли —
по фарватеру от несбывшегося,
по фонемам битого на части дня
(прометей уверенно падает с крыши —
крыши требуют только огня)

мы возвратились словами модными,
по струнам разложенными в аортах —
осенью
мы отзвучали нотами
неразрешенного нам септ-аккорда

завернувшись
в никому неизвестные флаги,
наши мифы девальвировались до фальши,
осенью мы легли буквами на бумагу,
и никто не понял, что будет дальше

Выпусти

выпусти меня в новый год,
отпусти,
сотни тысяч созвездий сгорают в твоей горсти;
перепутав миры, в эту дверь без конца скрестись,
прости меня,
уведи меня,
отпусти.
воздух слишком сперт и стар, чтобы им дышать:
евангелие пищут огрызками карандаша;
перепутав миры, тебя и себя смешать,
выпусти меня,
уведи меня
и прощай.
неужели не видишь,
как вместо души из нас вылетает дым?
этот снег превращается в пар, минуя этап воды,
но даже тот, кто ходил по воде,
все равно оставлял следы,
отпусти,
этот мир оказался на деле совсем седым.
где-то там новый год и опять остывает чай,
не смотри на меня,
сколько можно в пустое небо кричать,
перепутав миры, выбирая удар сплеча,
я скажу,
что нет никакого "завтра",
есть только "сейчас"

Б

Этот бал безупречно бел,
Этот бог беспардонно бит,
Жизнь до станции "Англестер"
не дойдет,
так повременит.
Этот миг слишком мил и мал,
Этот вздох слишком волен был,
Этот бог — безупречный бал,
Но настолько бел, что убил.
Строим стенки для нор и крыс —
Население прет наверх.
Этот бал беспардонно тих —
Это бог обесцветил век.
Это словно удар с плеча,
Наши выкрики не звучат:
Это слишком зеленый чай,
Это слишком приятный чад.
Этот взгляд от души до души
(Что за маску ты снова надел?),
Этот бог никуда не спешит —
Этот бал априори бел.
Ты молчишь у стихов между строк,
Усмехаешься, глядя в зал:
Ну зачем тебе этот бог,
Ну зачем тебе этот бал?
Мы придумали мир с нуля —
Этот мир мало-мальски мил,
Этот бал до конца обеля,
Этот бог безупречно был.
Ты шептала:
"Прости-прощай,
Ну к чему этот новый век?
Этот вечнозеленый чай,
Этот вечноленивый бег,
Этот скорбный
(сквозь слезы)
смех,

Этот запах крысиных нор?.."

И все это ты шепчешь вверх
Белоснежному богу в упор.
Я скажу тебе:

"Просто так,
Чтобы было чего спросить.
Этот бог обернется в флаг —
Христарadniчать по Руси.
Рассмеешься и будешь петь,
Чтобы ни было дальше — будь,
Чтобы бал продолжал белеть,
И богам не давал уснуть,
Чтобы вечно глаза в глаза
И при этом — не видя лиц,
Чтобы вроде бы все сказать,
За безумно короткий блиц,
Чтобы все это —
здесь и сейчас,
Все, кто слушает нас, поймут.
В чашках снова остынет чай,
Нам опять не хватит минут,
И мы заново будем жить
И напишем на стенах нор,
Будто мы обещали
быть
До вот тех невозможных пор.
И в попытке найти изъясн
В мельтешенье ненаших тел,
Будет бог безупречно пьян,
Будет бал беспардонно бел".

no.difference

в конечном счете не будет разницы
к какому времени и по причине
"поезд приехал к последней станции,
вы, к сожалению, не соскочили"
и все, что важное, даже слишком,
что жить мешало,
съедало шансы,
в конечном счете вернется лишним,
в конечном счете уйдет с баланса
все обернется дурным нулем
и нашей общей судьбой окажется
а пуля, старость и самолет —
в конечном счете не будет разницы
и все, кто был рядом, и даже очень,
беззвучно дотают под пляшущим взором,
в конечном счете мы все —
в одиночку, так не откладывая приговора
и руки, выпачканные строго мелом
о нас с тобой вытрет судьба-проказница,
а что ты
шептала,
кричала
и делала —
в конечном счете не будет разницы

пулемет

пулеметные очереди ложатся без слов и строк,
и пока я твое беспросветное,
самое громкое эхо,
 ни к чему уходить в огонь,
 ни к чему нажимать курок,
 ни к чему возвращаться —
проще было вообще не ехать
пулеметные очереди в упор разбивают круг:
так открывают новый отстрельный сезон,
под прицелом твоих
серпантиновых глаз и рук
по кольцу замыкался нами пройденный горизонт
по мишеням страны идет сигаретный смог
на двенадцатый раз
будет издан приказ
 стрелять
новый век отряхнет снег с твоих безупречных ног
 и начнет с нуля

*** (мы в жженных иконах)

мы в жженных иконах

—

по коням, по коням!

мы скрип законных

петель.

как,

выйдя из комы,

певцы глаукомы

упрямо мечтают взлететь.

устали от гари,

непарные твари,

нам легкие режет вода.

нас осветят фары,

без ноевой пары

рождается наше всегда

лажая по нотам

и с криком в аортах,

мы яростно кинемся в бой,

мы выступим гордо

по линии фронта,

а кончим Второй Мировой

и суммой ладоней

мы

—

те, кто не понят,

столетние люди

зимы

и мы, те, кто кроме,

по линиям комнат

рисуем пределы тюрьмы

мы

—

в пляс на амвонах,

в стегматах ладони,

в ушах разрывается вой,

— во всех телефонах —

МЫ В ЖЖЕНЫХ ИКОНАХ
МЫ В ЖЖЕНЫХ ИКОНАХ.
отбой

Первый снег

первоснежное небо читает тебя и меня по брайлю,
по касаниям изучает нас, одиноких,
роденствующих
как полярники в Северный лед,
мы не вмерзли в него —
мы стаяли
стаями
в бесконечный покров, как в великое равнодействие
первоснежное небо читает тебя и меня руками
чувствуешь,
будто художник о мир обнуляет палитру
словно на благовещенье паводком с рук стекает
обескровленный день,
с антрацитовым небом слитый,
где первоснежное небо читает тебя и меня на ощупь,
так (казалось бы) проще —
уходящий стреляет первым
по любому из двух;
где, как флаг, на ветру полощет
фотографию строчки света, прижатой закрытой дверью;
там, где каждый удар сердца о ребра яростнее и большее,
руки о стену в кровь:
только вымолить бы прощенья,
первоснежное небо читает меня по слогам и болеет
(так же, как я)
вкусом твоей оголенной шеи
первоснежное небо считает тебя и меня за дожное —
дураки на войне,
где никто не способен сдаться
пока ты под огнем, мы врастаем по клеткам кожи
в бесконечный покров, как в великое святотатство —
так читай греховодников-нас по падениям в грязь и только,
так (казалось бы) проще —
уходящий стреляет мимо,
первоснежное небо читает тебя и меня без толку,
одиноких,

растаявших,
исповедовавшихся,
неисповедимых

PS

так читают ветхий завет непрошедшие кастинг в мадонны,
где в евангелии от Грина
ты по льду прекратила бег —
по щекам бритвами твоих обоюдоострых ладоней
падает
первый
снег

падает первый снег.

Капитаны

капитаны неподнятых лодок уходят в отставку.
моя милая,
отдери же меня от дна,
научи меня сызнова жить. Видишь, вдоль моего окна
капитаны дрейфующих лодок уходят в отставку,
в пост-штурваловый вальс
от неподнятых телефонов,
научи меня жить,
опровергни всю эту чушь —
на фраватерах наших кровавой молитвой стонут
мариинские впадины наших соленых душ
капитаны устали.
капитаны уходят.
"адьос!
мы, забытые, в пресной воде утонем,
где любой морской волк —
в целом твой сухопотный пес,
спящий рядом с постелью небосвода твоих ладоней,
сенбернарствуем.
время сдаем в утиль,
где по новой весне эти улицы фонареют,
где я враз захлебнусь от упрямой свободы уйти,
сам себя распластав по беззубой кровавой рее,
где забросив секстант
и все карты введя в негодность,
мы доверимся проповедующим полифемам,
где твоя бесконечная удаленность
гемоглобиновой ломкой сбежит по венам
и захочется верить,
что мы без конца могли бы
жить,
не сдирая кожу ладоней о борт корвета".
ты меня научила:
"человек есть такая рыба,
та, что пуще всех тварей боится дневного света"

капитаны уходят.
"мы теперь навсегда запомним,
по какой путеводной нам всем возвращаться назад"
но я знаю давно —
капитаны —
мы здесь в тишине утонем,
и нам соль вместо меди монетой забьют в глаза

***** (на рождественских ярмарках)**

на рождественских ярмарках
очереди за совестью,
так что жить без нее, кажется, — новый вызов
я прорастаю твоими глазами с помесью
маленьких девочек,
шагающих вниз с карниза
эпоха людей,
вросших в сугробы, как мамонты, —
Нового Ледникового двадцатилетие,
время грохочет своими пустыми
карманами,
а шагающих вниз, видимо,
не заметили
время решений,
бьющихся вкруг нуля
я прорастаю твоими глазами вздорными
“здравствуй,
я космос
слушай меня, земля,
...
кажется,
уже скоро”